

Пороки и наваждения

Автор:

[Викрам Паралкар](#)

Пороки и наваждения

Викрам Паралкар

Novel. Бездна подсознанияМИФ Проза

В первый день работы библиотекарем Максимо выпадает шанс заглянуть в легендарную Энциклопедию медицины, которая существует в единственном экземпляре и содержит сведения обо всех пороках и болезнях, от которых страдает человечество.

Болезнь Мнемозины, наделяющая пациентов непревзойденной силой памяти в ущерб всем прочим способностям ума. Заразная меланхолия. Corpus fractum, при которой пострадавшие обретают физические черты тех, кому они причинили страдания, превращаясь в составного монстра. Непрерывная беременность. Болезнь, имитирующая смерть, диагноз которой нередко можно поставить лишь после похорон. Как вскоре обнаружит Максимо, медицина может оказаться чем-то большим, чем он предполагал.

«Пороки и наваждения» – это мистический сборник псевдоболезней, составленный современным ученым. Постепенно причудливые физические и нравственные дефекты открывают читателю картину вечной борьбы между человеческим желанием и пределами телесного существования.

На русском языке публикуется впервые.

Викрам Паралкар

Пороки и наваждения

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title The Afflictions

First published in 2014 by HarperCollins Publishers India

© Vikram Paralkar, 2014

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

На некоей полке в некоем шестиграннике (полагали люди) стоит книга, содержащая суть и краткое изложение всех остальных: некий библиотекарь прочел ее и стал подобен Богу[1 - Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.].

Хорхе Луис Борхес. Вавилонская библиотека

Говорят, что в этих городах-двойняшках невозможно уже отличить живых от мертвых[2 - Перевод Н. Ставровской. – Здесь и далее примечания переводчика.].

Итало Кальвино. Невидимые города

Я удивился, Максимо, узнав, что ты аптекарь. Я здесь уже семьдесят лет, за эти годы в Центральной библиотеке бывало столько аптекарей, что и не сосчитать, но ни один из них не выказал желания стать библиотекарем. Ты еще и старше – дай угадаю: тебе около сорока, остальные же тут с тех пор, как начали пробиваться усы. Осторожнее с теми шкафами: не очень-то они устойчивые. Лучше иди вдоль этой стены.

Как я говорил, это место сродни монастырю. Родители отдают сюда детей, и те поначалу метут полы и моют стены. Большинство из них никогда не добьются большего. Те немногие, кто выучиваются читать и писать, становятся писцами: переплетают книги, копируют трактаты, записывают за приезжими учеными. Лишь самые одаренные дорастают до библиотекарей. Впрочем, ни к чему утруждать тебя черной работой. Я читал твой трактат о болезнях эпифиза. Исчерпывающее, кропотливое исследование.

Обычно новичкам показывает Библиотеку кто-нибудь из молодых библиотекарей, но в твоём случае я решил, что сделаю это сам. Не мешает размять ноги. Врачи запретили мне выходить из комнаты: они уверены, что постельный режим отсрочит мою смерть. Я живу уже дольше, чем заслуживает человек, и чахотка стремится поскорее меня прикончить. Не беспокойся, я не обременяю тебя тайной. Об этом знают все – и обращаются со мной точно с хрустальной вазой. Как бы то ни было, чем не причина нарушить запреты врачей?

Идем сюда, и смотри под ноги, тут поворот.

Как видишь, мы постоянно пристраиваем к Библиотеке новые флигели и сегменты. Знал бы ты – а впрочем, скоро узнаешь, – сколько нам каждый день привозят ведомостей! Подробные описания боевых ранений, сообщения об эпидемиях, патентные формулы новых снадобий, эскизы целебных амулетов, рецепты растительных экстрактов со всех уголков света, а нам, библиотекарям, приходится думать, как включить все это в каталог. Библиотека – лишь зеркало медицины за ее стенами. Ты лучше меня знаешь, что и диагноз, и лечение день ото дня становятся эзотеричнее. Теперь недостаточно быть врачом: нужно знать алхимию и картографию. Даже движение звезд. Как прикажешь за всем этим

уследить? Растет ведь не только хранящееся в Библиотеке знание, но и царящий в ней беспорядок. Но это мало кто понимает.

В свое время ты узнаешь и о наружных коридорах, и об их содержимом. Ты об этом не упоминал, Максимо, но тебе наверняка не терпится увидеть главный зал, верно? Да, я так и думал. Вряд ли тебе случалось бывать там – если, конечно, у тебя не нашлось веской на то причины. Раньше мы были намного более открытыми, но после того безумца – я расскажу о нем позже – пришлось устроить правила. Мы пускаем лишь тех, у кого есть письма от покровителей, подтверждающие их ученость. И душевное здоровье. В конце концов, Encyclopaedia Medicinæ[3 - Энциклопедия медицины (лат.)] всего одна и слишком ценна, чтобы ею рисковать.

Да, Максимо со мной. Пропустите его. Обыскивать нет нужды.

Не обращай внимания на охранника. Дурак, что с него взять. Сам понимаешь, нанимают их не за ум. Думаю, тебе не привыкать к тому, что на тебя смотрят, и все же. Я поговорил с библиотекарями, они не станут относиться к тебе иначе из-за твоего роста.

Энциклопедия состоит из трехсот двадцати семи томов, для каждого устроены свои тиковая полка и скамья для чтения. Если ты избрал провести жизнь среди свитков и книг, аромат пергамента и велени станет для тебя желаннее запаха пищи. Знаешь ли ты, как изготавливают пергамент? Этому ремеслу учится каждый библиотекарь. Мы все бывали на бойнях, отбирали шкуры без дыр и полос от кнута, без шрамов, укусов клещей, пятен, следов болезней. Омерзительное занятие.

Посмотри на эту книгу, на ее безупречный корешок, на чистые прекрасные слова. Ничто не напоминает о том, что некогда ее страницы висели на мясницких крюках в окружении потрохов. Сперва сырую шкуру моют и вымачивают в извести, чтобы сошла шерсть, – воняет ужасно, поверь. Трижды в день ее нужно переворачивать, да не передержать. Оставь ее в извести на день дольше – и шкура порвется. Потом шкуру растягивают и день ото дня зажимы, которые ее держат, отодвигают чуть дальше, пока она не станет тонкой, сухой и тугой как барабан. Кто знает, сколько скота ушло на создание Энциклопедии? Энциклопедии лечения. Написанной на основе смерти.

Но довольно об этом. Посмотри, какая изящная книга. Обложка, поля, очертания каждой буквы. Как я говорил, на свете одна-единственная Encyclopaedia Medicinae.

Amnesia inversa

Больной Amnesia inversa[4 - Обратная амнезия (лат.)] объясняет первые провалы в памяти тем, что от них страдают его шапочные знакомые: цирюльники, уличные торговцы, хозяева гостиниц, продавцы папирос. Но со временем подобные случаи учащаются. Привратники, прежде здоровавшиеся с больным, спрашивают, к кому он пришел. Бакалейщики, у которых он каждую неделю покупал соль и муку, уверяют, что видят его впервые. Соседи смотрят на него, не узнавая, друзья, открыв дверь, улыбаются вежливо-настороженно, как чужаку. Несчастный прибегает к настойкам и амулетам, молитвам и мольбам, но болезнь прогрессирует, поглощая всех, кто был ему дорог; наконец, он просыпается на смятых простынях подле озадаченной и оскорбленной возлюбленной и понимает, что вычеркнут из памяти людской.

По полкам Центральной библиотеки рассеяны отчеты, составленные врачами, которые, поняв природу недуга, записали слова больных, пока те еще говорили, и спешно разослали рукописи, пока собственные их воспоминания не потускнели. Когда этих врачей спрашивали об отчетах, они отвечали, что почерк их, однако они не помнят, чтобы писали такое. Пожалуй, это свидетельство убедительно подтверждает существование болезни.

Судьба больных Amnesia inversa по-прежнему неизвестна, поскольку сама природа недуга не позволяет его изучать. Однако можно предположить минимум три варианта. Возможно, больные живут у себя дома в полной неизвестности и их не узнают даже соседи, которые видят их каждый день. Быть может, больные от отчаяния сводят счеты с жизнью, надеясь, что это положит конец амнезии и друзья смогут их оплакать. Или же пускаются в странствия, наполняют жизнь мимолетными увлечениями и приятельством в городках, которые покидают под покровом ночи, избавляя себя от необходимости

запоминаться.

Болезнь Агриколы

Болезнь Агриколы лишает своих жертв слуха: через два года после ее начала они глохнут окончательно. Поначалу болезнь Агриколы практически не отличается от прочих недугов, притупляющих слух, но, по мере того как она прогрессирует, ее возможно определить с помощью простой проверки. Добросовестные врачи проверяют таким образом только состоятельных пациентов, поскольку лечение болезни Агриколы поистине разорительно.

Проверка проста. Единственный эликсир, исцеляющий от болезни Агриколы, делают восточные алхимики, которые клянутся под страхом смерти беречь древний рецепт. Многие отологи хранят чуточку эликсира в сейфах – в растворе один к шестидесяти тысячам. Чтобы выявить болезнь, пациенту капают на язык одну каплю эликсира. Большинство ничего не услышит; страдающие же от болезни Агриколы услышат шелест, легкий ветерок, который почти сразу стихает. Диагноз очевиден.

Эликсир стоит дороже любого вещества на свете. Раз в год флакончики с зеленой жидкостью из Имперской аптеки отправляют на боевых кораблях во все уголки земли. Когда корабль приходит в порт, весть о его прибытии облетает страну. Торговцы разбивают палатки на берегу, к морю съезжаются высокородные больные с мешочками золота и ждут начала торгов.

Имперский аукционист показывает товар, больные выкладывают на столики предлагаемую сумму. Торги завершаются за считанные минуты: флакончики достаются тем, кто предложит больше золота. Они вливают содержимое флакончиков в рот, и мир взрывается звуками. Ворчание оставшихся ни с чем торговцев, звон монет за столом аукциониста, крики шагающих по песку чаек, вопли торговцев рыбой, продающих улов, шум пенящегося прибоя впитываются в их кости. Больные в слезах падают на колени.

А потом лекарство теряет силу. Они молят о пощаде, но болезнь Агриколы вновь ввергает их в ублиет[5 - Ублиет, или «каменный мешок», – подземная тюрьма в средневековых замках в виде колодца с дверью наверху.].

С того самого дня, как разъяренный Господь обрушил на людей первые бедствия, глухие свыклись со своим состоянием. Но стоит страдающим от болезни Агриколы отведать эликсира, и они уже не в силах сносить недуг. Они проигрывают земли и капиталы, лишь бы вновь испить из флакончика. Желание слышать подчиняет себе их волю, и лекарство становится такой же причиной их несчастий, как и сама болезнь.

Многие наши алхимики пытались получить этот эликсир. Рецепт остается в секрете, но кое-что выяснить удалось. Кажется, он включает в себе бесчисленное количество живительных экстрактов, смешанных в пропорциях, аналогичных полному диапазону человеческого слуха. По недавним подсчетам, удалось определить свыше трех тысяч компонентов: одни восстанавливают способность больных слышать шум воробьиных крыльев, другие воспроизводят нижние звуки цимбал, третьи – стук дождевых капель. Глубже всего в зелье таятся самые сложные экстракты, управляющие речью. Одни открывают слух к голосам священнослужителей, другие – цирюльников, третьи – к речам безумцев.

Immortalitas diabolica

Immortalitas diabolica[6 - Дьявольское бессмертие (лат.).] описано скудно: кто же признается, что страдает от этого недуга! Впрочем, власть настораживается, когда в деревнях появляются слухи, что такой-то сельчанин возмутительно молод и не подвержен болезням, свойственным его возрасту.

Immortalitas diabolica дарует своим жертвам способность прогонять любую хворь и боль, которые приключаются с ними. Впервые эта способность проявляется еще в детстве, но у детей царапины и простуды проходят мгновенно, и больным кажется, что это так же естественно, как дар речи. Повзрослев, они замечают,

что окружающие страдают от болезней, которые они сами в состоянии отогнать силой мысли. Они славятся отменным здоровьем, и лишь на четвертом-пятом десятке их безупречная кожа, крепкие зубы и блестящие волосы вызывают недоумение окружающих.

Тогда-то, как правило, больные и узнают ужасную правду о своем состоянии. *Immortalitas diabolica* не лечит недуги, а переносит их в тела других. И когда наделенный такой властью человек исторгает из себя болезнь, испарения ее исходят из его тела, вселяются в ничего не подозревающего прохожего, и тот теперь поневоле будет страдать от болезни, которую судьба ему не готовила. Чем старше становится человек с *Immortalitas diabolica*, тем сильнее гнетет его этот дар, и хотя он без усилий изгоняет недуги, угрожающие его телу, он не в силах изгнать из памяти тех, кому испортил жизнь.

Некоторые пациенты с *Immortalitas diabolica* пытаются отказаться от этого дара, смириться с морщинами, бороздящими их лица, рубцами, покрывающими легкие, раком, развивающимся во внутренностях. Но в предсмертные минуты агонии и удушья в них просыпается Люцифер. Одурманенные болью, они, пошатываясь от слабости, устремляются в грязные переулки, к хижинам нищих и обездоленных, по ком вряд ли будут скучать, и упиваются бурлящим в душе чудовищным эликсиром. А когда дело сделано, молодые мускулистые ноги несут их прочь; из окон же, у которых они стояли, несутся стоны.

Тем не менее проклятые *Immortalitas diabolica* тоже смертны. Они живут невероятно долго и умирают неизвестно отчего. Вскрытие обнаруживает молодые гибкие ткани, тело, угасшее в расцвете сил. Быть может, причина их смерти – сердечный спазм, или яд в крови, или иные фатальные случайности, слишком внезапные, чтобы их отогнать, но некоторые специалисты полагают, что механизм гораздо сложнее. Они утверждают, что страдания и недуги свойственны человеческой душе, следовательно, исторгая из себя болезнь, пациент с *Immortalitas diabolica* отказывается от частицы души. И со временем душа его стирается в порошок, остается лишь тело – нетронутое, но лишенное жизненной силы, прежде питавшей его.

Распутная болезнь

Впервые распутная болезнь упоминается в сочинениях одного аббата с Майорки, чьи миссионерские вылазки в порт ознакомили его с низменными человеческими наклонностями. И описать диковинную эпидемию, «доводящую матросов и потаскух до самого забубенного разврата, неслыханного даже для этого люда, не отличающегося ни благочестием, ни строгостью нравов», его сподвигло отнюдь не наивное изумление перед тем, какими бывают люди. В дневниковых записях аббата говорится: больными «овладевало столь необузданное желание грешить, что порой в одну постель ложились двое и трое, обуянные такою же неутолимою жаждой». В бумагах, которые он оставил в монастыре, упоминается и о бесплодных попытках развеять эти чары с помощью настоек из руты и авраамова дерева[7 - Витекс священный, или Целомудренник, или Монашеский перец, – вид древовидных кустарников рода Витекс семейства яснотковых (ранее относили к семейству вербеновых).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.

2

Перевод Н. Ставровской. – Здесь и далее примечания переводчика.

3

Энциклопедия медицины (лат.).

4

Обратная амнезия (лат.).

5

Ублиет, или «каменный мешок», – подземная тюрьма в средневековых замках в виде колодца с дверью наверху.

6

Дьявольское бессмертие (лат.).

7

Витекс священный, или Целомудренник, или Монашеский перец, – вид древовидных кустарников рода Витекс семейства яснотковых (ранее относили к семейству вербеновых).

Купить: https://tellnovel.com/ru/paralkar_vikram/poroki-i-navazhdeniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)